

ХАСИДИЗМ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. БУБЕРА

А. Г. Шавлинская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

alinka_shavlinskaya@mail.ru;

науч. рук. – В. С. Галина, канд. филол. наук, доцент

В статье раскрывается связь хасидизма и философии диалога М. Бубера, показывается специфика его интерпретации хасидизма. Актуальность исследования определяется прежде всего в непреходящей аксиологической значимостью как хасидизма, так и философии диалога М. Бубера, а также недостаточной исследованностью этих явлений в их взаимосвязи в современной культурологии, особенно белорусской. Несмотря на наличие немалого количества исследований наследия Бубера в западноевропейском научном сообществе, в русской и белорусской культурологии практически отсутствуют работы, в которых бы его философия диалога рассматривалась бы в неразрывной связи с хасидизмом. Объектом для анализа стали хасидизм как социокультурный феномен и философия диалога М. Бубера. Результаты исследования могут быть использованы при изучении дисциплин «Диалог культур», «История мировой литературы», «История еврейской культуры и литературы», а также для расширения переводов из Бубера и хасидской литературы на белорусский и русский языки.

Ключевые слова: Мартин Бубер; религиозный экзистенциализм; философия диалога; иудаизм; мистика; хасидизм; хасидская литература.

В современном мире тема диалога как истинного взаимопонимания между людьми, а также целыми народами и культурами становится одной из основополагающих, и как никогда остро осознается проблема двойственного отношения человека к миру. Современному человеку оказывается весьма близким настроение конца XIX – начала XX в. С тех пор как Ф. Ницше провозгласил в своей работе «Веселая наука», которая была написана в 1881–1882 гг., знаменитый тезис «Бог умер», великие умы пришли в состояние брожения. Произошла переоценка ценностей и возникла острая проблема защитить духовные ориентиры человека. Великий гуманист М. Бубер вел активный спор с Ницше, доказывал своими исследованиями, переводами, жизнью, что Бог жив. Ситуация и на сегодняшний день остается актуальной. По-прежнему на повестке дня стоит важный вопрос о защите духовных ценностей как отдельного человека, так и различных религиозных течений.

Мartiном Бубером написано очень много – о Писании, о философии, но более всего – о хасидах и хасидизме. Он возвысил хасидские истории на недостижимую высоту, поставил их в один ряд с легендами народов мира. Его учение стало отправным пунктом для дальнейших исследований духовного наследия еврейского народа и хасидизма в частности.

Открытие Бубером хасидизма произошло словно в один миг. Нет, он вовсе не открыл новый хасидизм, просто хасидизм открылся для него. Кажется, что Бубер сам был одним из первых хасидских учителей (многие согласились бы с этим утверждением).

Можно утверждать, что сама жизнь подвела М. Бубера к открытию и постижению мира хасидизма. В раннем детстве, которое он провел в доме своего деда во Львове, он уже соприкоснулся с миром хасидизма. С того момента, когда Бубер впервые познакомился с хасидизмом, он на всю жизнь остался под впечатлением от него. Позже это отчетливо будет читаться в его знаменитых работах. Впоследствии Бубер будет писать о том, что он, будучи поражен в один миг, начал познавать хасидскую натуру. При всем этом детство Бубера было отмечено и периодами глубокого одиночества, которое также способствовало воле мыслителя к преодолению одиночества, к выходу из замкнутости отчужденного *Я* к диалогу – отношению *Я–Ты*.

Изучение хасидских рассказов и преданий явилось отдаленным следствием раннего чтения сложных текстов и знакомства с еврейскими традициями. Возможно, именно наблюдение за жизнью хасидских общин, за общением их лидеров – цадиков (праведников) со своими хасидами побудили в Бубере желание разработать учение о диалоге. Однако, безусловно, философия диалога была вызвана к жизни также самой катастрофической реальностью XX в. «Именно в XX в. – веке трагических потрясений, двух мировых войн – была осознана важность диалога как наиболее плодотворной формы коммуникации, рассчитанной на взаимопонимание и духовое взаимообогащение, более того – важность его как единственно возможной формы истинного бытия человека во взаимоотношениях с другими людьми и каждой культуры во взаимоотношениях с другими культурами», – поясняет Г. В. Синило [3, с. 42].

Примерно в возрасте двадцати шести лет Бубер стал серьезно изучать хасидизм. Он создал литературные обработки сказок рабби Нахмана, легенд об основоположнике хасидизма Баал-Шем-Тове (Беште), а затем приступил к исследованию хасидизма и его философских основ. Его вдохновляло в хасидизме почти все, но более находило отклик в его душе коллективное начало жизни хасидской общины, основанной на диалоге хасидов друг с другом, со своим цадиком, их всех – с Богом. Было время, когда мыслитель переживал острый духовный кризис, когда ему казалось, что он теряет веру в Бога, но хасидизм, по его словам, вернул ему веру, открыл Бога заново. Хасидизму М. Бубер посвятил свои философские работы «Свет сокровенный» (1943), «Сад

хасидизма» (1945; переработан в «Хасидские истории» [2]), «Проблема человека» (1947), «Происхождение и сущность хасидизма» (1960), «Два образа веры» (1964).

Основные положения религиозно-философской концепции М. Бубера сформулированы в знаменитом произведении «Я и Ты» (1923), которое часто именуют философской поэмой. Мыслитель различает две основные формы отношения к миру, которые он именует «основными», или «первичными», словами: «Я – Ты» и «Я – Оно». Отправным пунктом его концепции является диалогический принцип: «Основное слово *Я – Ты* утверждает мир отношений» [1, с. 7]. Философия Бубера возникает из принципиального переосмысления монологизма эллинской и европейской философии (прежде всего идеализма Г. Ф. Гегеля) и опирается на диалогическое мышление Библии и основанное на ней же жизнеощущение хасидизма. Согласно Буберу, когда мы говорим о физическом мире, мы подчиняемся установке *Я – Оно* и употребляем отвечающий этой установке язык. Подход *Я – Оно* может быть использован как в отношении к вещам, так и к людям и даже к Богу, и это утилитарные, мертвые отношения. Но может осуществляться и подлинный диалог. Мы можем обращаться к вещам, людям, Богу как к Ты, имея в виду живую личность. Мир *Ты* весьма отличен от мира *Оно*. Сущность отношения *Я – Ты* – это любовь, направленность чьей-либо жизни и воли к собеседнику. «Всякое подлинное отношение к существу или к сущности в мире исключительно», – поясняет М. Бубер [1, с. 47]. В отношении *Я – Ты* нет никакого мистического перевоплощения, каждый остается индивидуальностью, личностью. Бубер также полагал, что, обращаясь к *Ты*, мы обращаемся к *Вечному Ты*, к Богу. «Каждое единичное *Ты* – прозрение *Вечного Ты*. Через каждое единичное *Ты* основное слово обращается в *Ты* Вечному. Из этой посреднической роли *Ты* всех существ проистекает для них полнота (и неполнота) отношений. Врожденное *Ты* воплощается в каждом отношении и не свершается полностью в одном» [1, с. 45].

Любое отношение *Я – Ты*, по Буберу, возможно лишь потому, что существует Вечное Ты. Бог – именно *Вечное Ты* – в отличие от временных встреч *Я – Ты* в мире. Бог – это высший собеседник в диалоге. *Вечное Ты* может обнаружить себя даже в самых простых и обыденных вещах. *Вечным Ты* Бубер именует Того, Кто, даруя откровение и спасение, вступает в непосредственное общение с людьми и тем самым делает для них возможным общение с Ним. Именно в этом общении, в диалоге, выявляется жизненность и Самого Бога. Но *Вечное Ты* – лишь сторона бытия Бога. Отношение *Я – Оно* Бубер не отвергал. Через эти

отношения человек находит возможным преодолеть одиночество и отчуждение. Бог есть партнер в диалоге, человек отвечает Богу и становится собой. *Вечное Ты* присутствует в каждой истинно диалогической ситуации. Примечательно, что встреча с *Вечным Ты* происходит в обычной жизни. Осуществляя повседневные действия можно находиться в общении с *Вечным Ты*.

Главную беду М. Бубер видел в том, что современный человек осмысливает диалог с Богом как разговор с самим собой, а не с другой, равноправной личностью. Напомним здесь, что тема отчуждения человека от человека, общества и самого себя актуализируется уже при жизни философа. За всем этим стоял глубокий духовный кризис XX в., который Бубер, в свою очередь, объяснял тем, что человек целиком погружен в отношение *Я – Оно* и забыл о *Ты*. Обнаружив, что диалогический принцип уже применялся хасидскими мудрецами и входил в традицию позднего иудаизма, Бубер как бы заново начал постигать мир, вписывая в него свою диалогическую концепцию, полагая что истинная ценность и подлинность проявляются только в субъектно-субъектных отношениях. Теперь совершенно понятно: если бы не открытие Бубером хасидизма, возможно не было бы оригинального учения философа о диалоге, об отношении человека с человеком, миром, *Вечным Ты*.

Библиографические ссылки

1. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. – М. : Высшая школа, 1993. – 175 с.
2. Бубер, М. Хасидские истории. Поздние учителя / М. Бубер. – М. ; Иерусалим : Мосты культуры ; Гешарим, 2009. – 376 с.
3. Синило, Г. В. Лирические книги Библии как архетексты немецкой поэзии XVII века / Г. В. Синило. – Минск : БГУ, 2016. – 550 с.